

12+

Артем Мальцев

Два мира

Артем Мальцев

Два мира

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мальцев А. В.

Два мира / А. В. Мальцев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Мальчишка из СССР в 1987 году попадает в Италию, в Геную. Мировоззрение ребенка сталкивается с западным миром. Все события и персонажи подлинные, не вымышленные. Книга рассказывает о жизни в Италии и СССР глазами ребенка, разбивает многочисленные стереотипы и вымыслы. Читатель попадает в разные итальянские города, соприкасается с итальянской культурой и образом жизни. Рассказ полон интересных и смешных историй, забавных приключений, интересных людей. Вы побываете в горах, в гостях у партизан, на самом большом теплоходе СССР, на гастролях советского цирка. Но самое главное, окунетесь в атмосферу быта советских людей того времени, узнаете какими были человеческие отношения между людьми, попавшими в те года за границу.

© Мальцев А. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

ГЛАВА 1. БУРЖУЙ-ПОДЛЕЦ

Ровно за месяц до моего девятого дня рождения, в начале сентября 1986 года, мои родители торжественно сообщили мне, что едут в Италию, причем без меня. Моего отца – советского дипломата – направляли на работу в Геную на четыре долгих года, и мама, как это было принято, должна была следовать за своим мужем в длительную командировку. Отъезд должен был состояться ровно через месяц. Меня оставляли вместе с бабушкой и дедушкой – родителями моей мамы, жившими в том же доме, в том же подъезде, что и мы, только этажом выше. Так что, к моему счастью, мой переезд куда-то в другое место, а тем более в детский дом-интернат, не предусматривался.

Месяц пролетел быстро, и я уже начал потихонечку переживать по поводу командировки моих родителей. Накануне их отъезда к нам домой пришли папины коллеги с его работы, чтобы, по сложившейся традиции, проводить уезжающих. Никогда еще я не видел столько людей у нас дома, в небольшой двухкомнатной квартире на окраине Москвы, в микрорайоне Братеево.

В Братеево наша семья переехала в декабре 1985 года, под самый Новый год. Квартира была заставлена коробками, мебели практически не было. В квартире было холодно, батареи еле грели. Не спасал даже розовый масляный радиатор. В углу комнаты медленно замерзали рыбки.

Еще год назад я жил в районе Войковской, на улице Зои и Александра Космодемьянских. Напротив моего подъезда через дорогу был детский сад, а в двух минутах ходьбы – моя первая школа. Все вокруг было таким уютным и родным, ведь там я родился. Теперь же, переехав в Братеево, я оказался в совершенно другом мире. Началась новая жизнь, строился мой мир, в котором мне было суждено прожить целых шестнадцать лет.

Хорошо помню, что на наше маленькое новоселье приехали дядя Коля и дядя Володя. В большой комнате, оклеенной розовыми обоями, мы соорудили стол из двух коробок, на них была положена снятая с петель дверь. Сверху мама постелила скатерть, накрыв ею самодельный стол. Мои родители были счастливы: у них наконец-то появилась своя квартира. Они ждали ее много лет, живя в девяти метрах с родителями моей мамы, трепетно относившимися к своему покою и заведенному распорядку дня. У меня же, по словам моих родителей, появилась своя комната. Тогда еще я не понимал, что это означает. В квартире все казалось каким-то чужим на фоне еще пахнувшего блекло-желтого в крапинку линолеума, домашний уют еще предстояло создать. А пока, в тот памятный вечер, дядя Володя обучал меня приемам карате, причём в процесс были вовлечены все мужчины. Дело закончилось наградой: за правильное исполнение приемов меня посадили в антресоль. Кто бы мог подумать тогда, что спустя некоторое время жизнь моя снова круто изменится.

С момента нашего новоселья прошло чуть более полугода. Проснувшись очень рано, не дожидаясь, пока меня разбудит мама, я быстро вскочил с кровати и подошел к окну, всматриваясь в очертания пейзажа. За новым окном, отмытым до кристальной прозрачности, была настоящая осень. Еще было темно, и в синем рассвете новый микрорайон «Братеево», не освободившийся окончательно от строительных площадок и строительных бараков, канав и траншей, подмёрзшей ярко-коричневой глины, казался мне интересным и чем-то привлекал мое детское воображение.

Все было абсолютно не таким, как то, к чему я привык, живя в старом районе Москвы. Высоченные новые панельные дома, бело-синие и бело-бордовые, отсутствие больших старых деревьев, вышки ЛЭП, возвышающиеся на просторных полях вдоль Москвы реки, искусственный пруд, отделяющий мой дом от огромного зеленого продуктового Универсама. И, наконец, огромные, суперсовременные (по моим меркам) трехэтажные школы с впечатляющими внутренними дворами.

Еще не были построены поликлиники, а при въезде в наш микрорайон красовался не достроенный пока мост через Москву-реку, за которым виднелись огромные холмы. Эта была городская помойка, заваленная землей; позже, в середине девяностых, она будет вывезена, и на ее месте расцветет еще один микрорайон. С противоположной стороны Братеево горел его легендарный символ – факел Капотни.

В один из тех школьных дней мой одноклассник, Денис Иванов, подарил мне иностранную монету – в то время это было настоящим сокровищем для любого мальчишки. Оказалось, что монета была японской. Я решил отдать ее маме, поскольку, прежде всего, монета была иностранной и, как мне казалось, могла пригодиться в случае крайней необходимости моим родителям за границей.

Я прекрасно помню мое детское отношение к Италии в то время: капиталистическая страна, управляемая буржуями, где население находится в нищете и угнетении. Советское воспитание в семье коммунистов давало о себе знать.

Когда родители уехали, мне стало скучно и грустно, несмотря на то, что бабушка и дедушка заботились обо мне, да и мои тетя Люба с дядей Геной очень любили меня и везде, что называется, «таскали» за собой. И все же в нашем доме стало пусто.

К нам в Братеево часто приезжала и тетя Ира, сестра моего папы, вместе с моей двоюродной сестренкой Алёнкой. Мне нравилось, когда они приезжали. С Алёнкой мы строили из диванных подушек, покрывал и стульев классные домики, в которые залезали и играли там.

На мой день рождения я пригласил своего приятеля Сашу Корзина и его младшую сестру, и они подарили мне живого хомяка. Саша был добрым мальчиком, но немного расхлябанным – его рубашка, например, частенько выскакивала из штанов, что в полной мере отражало его характер. Он здорово играл в футбол, особенно хорошо стоял на воротах. Кто бы мог предугадать тогда, что через много лет, в девяностые, Саша умрет от передозировки наркотиков. А тогда нам было весело – мы с удовольствием уплетали бабушкины пирожки, запивая их перwokлассным советским лимонадом «Буратино».

Что же касается моей любимой школы №992 – можно часами рассказывать о нашем замечательном классе, о моих друзьях и об учительнице, Соловьевой Надежде Николаевне. Все они никогда не давали мне скучать.

Незадолго до отъезда мама записала меня в секцию дзюдо. Борьба очень притягивала меня, к тому же, у меня это здорово получалось, поэтому три раза в неделю я самостоятельно ездил на автобусе до остановки «ДК Москворечье». Через какое-то время мне стало скучно, и я сагитировал моего одноклассника, Вадима Кунаева, и еще пару человек заниматься дзюдо вместе со мной.

В конце ноября в Москву из Генуи приехала Надежда Васильевна, жена консула Валентина Петровича Кабаненко. Она привезла с собой посылку от моих родителей, которую тщательнейшим образом собирала моя мама. Несмотря на маленький размер коробки, в ней было все: и итальянские огромные шоколадки, и мой первый киндер-сюрприз с игрушками внутри, и что-то из одежды для каждого, и клоунский колпак с красным носом. Жуя шоколадку, которая мне показалась самой вкусной в мире, я сказал: «Живут же буржуи!» Все за столом засмеялись.

А еще в коробке был альбом с фотографиями мамы и папы в Италии и письмо с рассказом об их жизни. Они писали, что их очень тепло приняли в Генуе, что в консульстве работают очень хорошие, душевные люди, что Италия – это совершенно другой мир, к которому сразу не привыкнешь. Мама писала, что мне там очень понравится и что в Генуе есть море.

Прочитав письмо в десятый раз кряду, бабушка Юля села писать ответ своим безупречным каллиграфическим почерком. Да, почерк и впрямь был великолепным, ведь в свое время ей приходилось очень много писать: во время войны она работала в наградном отделе у самого Михаила Калинина. По завершении своего письма бабушка настояла на том, чтобы я что-нибудь добавил от себя. Писать я не любил, но все же осилил пару строк. В дополнение к напи-

санному, принимая во внимание международную ситуацию и происки империалистов (на тот случай, если письмо будет ими вероломно вскрыто), я начертил: «Буржуй – подлец!!!». Так я внес свой первый вклад в борьбу с международным империализмом.

И вообще я заявил, что ни в какую Италию ехать на летние каникулы не собираюсь. Лучше поеду в деревню Шумаково, в Курскую область, на родину к дедушке. Помню, что моему дедушке, Николаю Петровичу Бабкину, бывшему военному офицеру, участнику войны, которого все любили и уважали, понадобилось приложить немало усилий, чтобы уговорить меня туда поехать. Конечно, его аргументы по поводу скучающей мамы и прелестей моря были весомыми, но возможность побороться с капиталистами была аргументом решающим. Сейчас это может показаться смешным моему читателю, тогда же для юного октябренька, готовящегося стать пионером, вопрос был принципиальным.

Наступил Новый 1987 год. Мы, как всегда, дружно встречали его в квартире у бабушки с дедушкой. Приехали тетя Люба с дядей Геней, стол был полон разных яств, настроение у всех было отменным. Практически все время мы проводили в квартире бабушки на пятом этаже, лишь ночевать приходили с дедушкой в квартиру на четвертом. Впервые в жизни я самостоятельно собрал искусственную елку и украсил ее новогодними игрушками, многие из которых были еще из маминого детства. Помимо этого я также сделал своими руками разные гирлянды, украсив ими всю большую комнату и коридор.

Дни сменяли друг друга, пролетали недели, и моя успеваемость в школе падала всё сильнее, поэтому в срочном порядке дедушка Коля стал заниматься со мной математикой, а бабушка Юля – русским языком и чтением. Через месяц ситуацию удалось выправить. Но разве могли они справиться с таким сорванцом, как я?

Какой мальчишка моего советского детства не лазил по стройкам, играя в «войнушку» с автоматом в руках? Тем более, что в новом микрорайоне Братеево стройка ещё вовсе продолжалась. Кто не тырил патроны у строителей и не взрывал их, отважно наступая ботинком? Кто не метал строительные гвозди в строительный забор? А об игре в футбол или хоккей я вообще не говорю. Всё это я, конечно же, перепробовал. Приходил домой в жутком виде: штаны и куртка стояли колом, поскольку сначала они намокали от снега и пропитывались грязью, а потом застывали на морозе. Я до сих пор не понимаю, как бабушке более-менее удавалось приводить мою одежду в порядок.

Зима прошла, наступила весна. За это время мама прислала нам еще одно письмо. Она обещала, что приедет за мной в конце апреля, чтобы забрать меня в Италию, спрашивала, что нам оттуда привезти. Я ответил в письме, что мне бы хотелось в подарок получить набор солдатиков, в которых я обожал играть с детства. У меня их было очень много, самых разнообразных – многие сохранились до сих пор. Играть в них я мог часами, разыгрывая реальные стратегические маневры легендарных сражений прошлого. Однако иностранных солдатиков у меня никогда не было. Один раз я увидел их у одного мальчика из соседнего класса – Димки Андрианова. Несколько лет назад его родители работали в Аргентине и привезли ему в подарок этих солдатиков. На подставке каждого солдата с обратной стороны было написано Гонконг, поэтому мы называли их «гонконговцами».

И вот, наконец, долгожданный день пришел – приехала мама! Как всегда, с подарками для всей нашей большой семьи, среди которых были и впечатляющие сладости, и столь выстраданные моим ожиданием солдатик. К моему глубокому сожалению, мама привезла мне именно советскую армию «гонконговцев», а мне нужны были противники: советских – солдатиков нашего производства – у меня и так было предостаточно. Уловив мое недовольство, мама сказала, что в Италии продаются разные армии солдатиков, и когда мы туда поедem, она какую-нибудь мне купит. Я быстро успокоился, к тому же «советская армия» оказалась действительно интересной: помимо солдатиков в ней были танк, пушка, палатка, машинка, вертолет, самолет и многое другое. Что еще было нужно для счастья настоящему советскому мальчишке?

Однажды утром мама сообщила мне, что едет вместе с бабушкой покупать новый телевизор. Возвращавшиеся из-за границы люди имели иностранные деньги, которые, в соответствии с законодательством того времени, обязаны были обменять на рубли либо на специальные купоны. На эти купоны можно было купить товары иностранного производства, продававшиеся в специальном магазине «Березка». Именно туда и поехали мама с бабушкой. Они купили цветной японский телевизор Панасоник с пультом управления. Такого волшебства я еще не видывал: можно было переключать каналы, не вставая с дивана. Этот телевизор мама решила взять с собой в Италию. Позже, в благодарность за заботу обо мне, мои родители подарили этот телевизор моим бабушке и бабушке. Панасоник был очень хорошим и качественным телевизором, он прослужил целых 20 лет, причем за все время работы серьезно ни разу не ремонтировался.

В конце апреля мне предстояло стать пионером. Как же я этого жаждал! Для каждого школьника это было настоящей мечтой. К нам в класс пришли новые ученики: Люда Доронина и Сергей Балакирев. Их уже приняли в пионеры прошлой осенью, помню, как мы все им завидовали. Целый месяц до этого события мы с ребятами посещали пионерскую комнату, где пионервожатые объясняли нам, кто такие пионеры, и рассказывали, чем они известны, какие подвиги совершали во время войны и после. Также мы изучали пионерские песни, традиции и, конечно же, пионерскую клятву. Принимали нас в два этапа: сначала отличников и хорошистов, к которым я не относился, а потом всех остальных. Вадима Кунаева приняли в пионеры в первой группе. Когда на переменах он шел с кем-нибудь бороться, то снимал и клал на подоконник пионерский значок, чтобы его случайно не сломать.

Наконец, наступил долгожданный день. Мы отправились на Красную площадь, и перед мавзолеем Ленина, в торжественной обстановке, нас приняли в пионеры. На углу ГУМа, со стороны Исторического музея, стояли автоматы с газировкой. На радостях мы с ребятами решили это дело отметить и так напились газировки, что еле-еле смогли доехать до Братеево. Вечером того же дня папин коллега, дядя Коля Григорчук, достал нам с мамой билеты в цирк. Одевшись во все пионерское – пионерскую рубашку, галстук, пионерский ремень, пионерку – и прицепив значок, я вместе с мамой отправился на представление. По дороге, в метро, от счастья я сиял, как медный таз, а все пассажиры вокруг смотрели на меня и улыбались.

Через несколько дней после посещения цирка мама купила билеты на поезд в Италию, сказав, что с нами поедет девочка, внучка Надежды Васильевны и Валентина Петровича, что она младше меня и уже была в Италии. Так я впервые услышал о Веронике.

В то время многие именно ездили в Италию, а не летали. С Киевского вокзала отходил поезд, к которому цепляли два «международных» вагона. Поезд шел до Чопа. Далее меняли колеса на узкоколейку. Наш поезд следовал через Венгрию, Югославию, прибывая в Триест, затем в Болонью и далее в Рим. Ехать мы должны были до Болоньи, как самой близко расположенной к Генуе точки.

Мама пошла в школу к моей учительнице Надежде Николаевне, чтобы попросить ее написать мне характеристику от школы. Это был один из обязательных документов для того, чтобы я смог выехать за границу. Сейчас это звучит странно, но тогда нашему государству было не все равно, кто едет за ее пределы, ведь каждый человек, будь он даже ребенком, в какой-то мере являлся представителем своей страны.

Оставалось пройти последнее испытание перед поездкой – первый в жизни экзамен по математике. Накануне этого знаменательного события к нам приехали тетя Ира с дядей Славой. Вместо усердной подготовки к экзамену я отправился гулять на Москву-реку. Дядя Слава был послан тетей Ирой на прогулку со мной. И угораздило же меня взять с собой в тот воскресный день баскетбольный кондовый советский мяч. Он казался мне тяжеленным. Я тут же придумал игру: подкидывать мяч и бить по нему с лету в свободное пространство. Казалось, что если я привыкну к его тяжести, то по обычному футбольному мячу буду бить с ужасающей силой. Не

знаю, как это получилось, но когда я ударил по мячу в очередной раз, он вдруг попал в лицо одной из проходящих мимо женщин. Удар был такой силы, что у нее откинулась голова. Дядя Слава побледнел, я посерел... женщина побагровела, уж не знаю, от чего больше – от боли, злости или испорченного макияжа. Через мгновение она разразилась такой отборной руганью, которой я ещё никогда в жизни не слышал. Оставалось только одно: принести свои извинения и как можно быстрее ретироваться, что мы успешно и сделали. Я шел домой, и мне было искренне жаль, что так вышло. Взрослых меня учили уважать с детства, и я дал себе слово, что больше так никогда делать не буду. Когда мы пришли домой, тетя Ира спросила: «Как прошла прогулка?» На что дядя Слава разразился хохотом, сказав шутливо: «Ну и племянник у тебя!».

На следующий день, переживая за вчерашнее, я потащился сдавать экзамен по математике. Сдал работу первым в классе и был абсолютно уверен, что поставят пять. Когда дедушка пошел к школе смотреть вывешенные списки с оценками, оказался «тройбан». Учительница сказала моему дедушке, что тройку еле-еле натянули.

По совокупности преступлений за последние сутки перспектива провести каникулы в деревне Шумаково приобретала в моем воображении очень четкие очертания.

Что-то у меня не клеилось, и от досады я сел читать привезенную мамой из Генуи книгу о знаменитых греческих и римских полководцах. К своему удивлению, не заметил, как дочитал до сто пятидесятой страницы – настолько было интересно и увлекательно. Вечером мама сказала, что для меня ещё не всё потеряно, и в Италию я всё же еду. На следующий день, поздно вечером, мы уже сидели на мягком кожаном диване в такси «Волга», которое везло нас к Киевскому вокзалу навстречу новому, к поезду, возле которого нас ожидали родители Вероники, впрочем, как и она сама.

ГЛАВА 2. ПУТЕШЕСТВИЕ.

Вечером было прохладно, совсем стемнело. Нас с мамой провожали дедушка Коля и тетя Люба. Мы долго шли все вместе по платформе Киевского вокзала, она казалась бесконечно длинной, все наши вещи, в том числе взятые с собой солдатки, а также новый телевизор, ехали на тележке рядом. Вот впереди показались «международные» вагоны. Сразу бросилось в глаза, что они как-то отличаются от обыкновенных, в которых я много раз путешествовал с родителями в Феодосию и Курск.

Мы подошли и поздоровались с улыбающейся белокурой женщиной и с высоким мужчиной, похожим внешне на волейболиста – сразу отметил его открытый, добрый взгляд. Это были родители Вероники. Внезапно из-за их спин выбежала светловолосая девочка, полная задора и веселья. Было заметно, что у нее очень хорошее настроение и она чрезвычайно рада этому начинающемуся путешествию. Вероника поздоровалась с нами и устремила ко мне.

– Привет, я Вероника, – сказала она уверенным звонким голосом.

Познакомившись и чуть не забыв попрощаться с провожающими, мы устремились осматривать диковинный вагон. Если говорить об отличиях, то в нашем вагоне коридоры были гораздо уже, чем в обычном, зато купе были больше и выглядели уютнее. По другую сторону от дверей купе ниже окон были вмонтированы откидные сиденья – такого я тоже еще никогда не видел. Оказавшись в купе, я сильно удивился, обнаружив, что спальные места располагались только по одну сторону купе, напротив же было свободное пространство и вешалка для одежды в виде крючков, выступавших из обитой кожей стены. Выше, над вешалкой была шторка на карнизе, которой можно было завесить всю одежду. Столик около окна оказался раскладным, под ним находилась настоящая раковина, правда, по какой-то причине воды в кранике не оказалось. Все купе были двухместные, хотя между нижней и верхней полками находилась ещё одна, которая в данное время просто была сложена и прикреплена к стенке.

Вещи были уложены по местам. Я выбежал из вагона, чтобы проститься с Любой и дедушкой Колей. Мне было грустно с ними расставаться. Дедушка Коля сказал, что я должен слушаться родителей и вести себя достойно. Мы попрощались и сели в поезд. Через несколько минут он тронулся, и платформа с Любой, дедушкой и родителями Вероники осталась позади. Проводник любезно предложил принести нам чаю. Вероника заметила, что в этот раз проводники были уже не те, что годом ранее, показывая мне тем самым, что для нее это путешествие не первое. Мы попили чаю и забрались вдвоем с Вероникой на верхнюю полку – не знаю, почему, но дети ее всегда обожают. Мы разлеглись, стали рассказывать друг другу всякую всячину и сами не заметили, как задремали. Мама растолкала нас: Вероника должна была идти спать в свое купе, поскольку ее родители купили место в поезде через три купе от нашего. Я пожелал всем спокойной ночи и, в предвкушении следующего дня, обрадованный приятным знакомством, быстро заснул.

Проснувшись на следующее утро, я отодвинул зеленоватые занавески на окне купе. За стеклом предстал живописный пейзаж. На фоне насыщенно синего неба, слегка разбавленного снежными облачками, мелькали маленькие деревенские домики. К нам зашла Вероника, чему я обрадовался, и мы весело продолжили наше общение. Мама предложила повторить итальянские слова, которым накануне нашего отъезда обучала меня. Мы с Вероникой наперебой принялись называть друг другу все, что знали на эту тему.

Внезапно Вероника вспомнила, что мама дала ей в дорогу напиток из шиповника, и выбежала из купе. Через мгновение она появилась, неся в руках пластмассовую полуторалитровую зеленую бутылку с какой-то надписью на иностранном языке. Позже я узнал, что там было написано «Спрайт». Никогда раньше я не видел подобной бутылки. Для ребенка, привыкшего к маленьким советским стеклянным бутылкам, это было совсем необычно. Когда мы допили шиповник, я обратился к Веронике:

– Можешь мне ее подарить?

– Да, конечно, – ответила она без промедления.

Я смутился от того, насколько быстро она ответила, поскольку понял, что для нее эта бутылка не представляла никакой ценности.

– В Италии таких много, в них продают Фанту и Кока-Колу, – продолжала Вероника.

– А что такое Кока-Кола? – неуверенно спросил я.

– Ну, это Пепси-Колу так называют, – сказала Вероника.

Я был потрясен – настолько здорово было придумано продавать мои любимые Фанту и Пепси в таких больших бутылках. У нас в Москве, как, впрочем, и во всем СССР, не было пластмассовых бутылок – только стеклянные. Да и Фанту с Пепси-Колой нельзя было купить, когда хотелось: далеко не каждый день и не в каждом магазине они были в наличии. В районе метро «Войковская», где я прожил свои первые годы жизни, была палатка-киоск для продажи газировки, работала она только по выходным дням. Когда же в нее завозили товар, выстраивались длинные очереди. Так что Фанта и Пепси на нашем столе в то время были большой редкостью и очень ценились. Это сейчас каждый знает, что газировка вредна для здоровья и является источником многих хронических заболеваний.

Наступил обед, и мама вынула из сумки наши съестные припасы, а Вероника принесла что-то вкусненькое из своего купе. Поезд продолжал движение. Мама сказала, что границу с Венгрией мы будем пересекать поздно ночью, поэтому она нас разбудит, и мы должны будем показать свои паспорта пограничникам.

Я начал расспрашивать Веронику насчет Италии, консульства и вообще всего того, что мне следовало знать. Из ее рассказа я узнал, что консульство – это здание с прилегающей к нему небольшой территорией, по которой можно гулять. Консульство – это не Италия, а территория Советского Союза. В консульстве работает её дедушка, и он там самый главный. И вообще в Консульстве работают, и живут. Также вместе с дедушкой в Консульстве живет её бабушка,

Надежда Васильевна. По рассказу Вероники было ясно, что она их очень любит и скучает по ним. А еще в консульстве есть комендант и шофер, соответственно, с жёнами, они там также живут и работают. У шофера Володи есть сын Сергей, ему пять лет. Володя Чернов очень симпатичный, доброй души человек. И, наконец, в консульстве работает секретарем дядя Боря Зубков, у него есть сын Саша, ему шесть лет, но живут они не в консульстве, а в квартире в городе. Ещё Вероника рассказала, что территорию охраняют огромные служебные собаки овчарки, Рокки и Полкан. Своих они любят, а на чужих лают.

Немного утомленный разговором и большим потоком информации, я предложил во что-нибудь поиграть.

– Давай лучше порисуем, – предложила Вероника.

– А у тебя есть фломастеры? – спросил я.

– Конечно, есть, сейчас, – бросила на ходу уже мчавшаяся на всех парах в свое купе Вероника. Через мгновение она протянула мне широченный пластмассовый футляр с невероятным числом разноцветных фломастеров. У нас в Москве обычно продавали набор из шести-восьми фломастеров. Как-то раз одна из одноклассниц принесла в школу набор с двенадцатью фломастерами – на это чудо сбежался посмотреть весь класс.

– Вот это да, сколько же их? – спросил я у Вероники.

– Двадцать четыре, но вообще-то в Италии есть набор и из тридцати шести.

Ее слова заставили меня взять длиннющую молчаливую паузу, я был в очередной раз потрясен.

В купе вошел проводник и заботливо предложил чаю. Мы, как всегда, согласились – ведь в СССР каждый знал, что пить чай в поездах из стеклянных стаканов в подстаканниках особенно вкусно.

Наступил вечер, и Вероника предложила мне поиграть в интересную игру. Она принесла к нам на верхнюю полку карту, по которой нужно было передвигать свои фишки. Количество ходов и действий с фишками зависело не от костей, а от мини-колеса рулетки, которое крутилось, и шарика, который нужно было кидать во время вращения. В зависимости от ячейки, в которой остановится шарик, и ее значения совершался ход. Мы настолько увлеклись, что играли до тех пор, пока мама не позвала нас вниз на ужин. После мы опять забрались наверх и продолжили игру, во время которой Вероника рассказала мне следующее:

– Знаешь, в прошлый раз, когда я ехала в Италию, я не смогла открыть замок в туалете и заперлась там. Я очень сильно испугалась, – сказала Вероника. – Поэтому теперь я не закрываю дверь и лишь плотно прикрываю ее.

– А как узнать, открыта дверь или закрыта? – спросил я.

– Нужно прочесть надпись, если «аперто» – значит свободно, если «кьюзо» – значит занято, – поделилась опытом Вероника.

Сыграв еще несколько конов и пожелав друг другу спокойной ночи, мы отправились по койкам.

Ночью нас разбудили пограничники, быстро сверили наши заспанные лица с фотографиями паспортов и удалились. Далее последовал таможенный контроль, который носил для нас формальный характер, так как мы ехали по дипломатическим паспортам зеленого цвета. В соответствии с международными конвенциями дипломатический иммунитет предоставлялся также членам семьи дипломата. Через некоторое время нас разбудили во второй раз уже на Венгерской границе, небольшая процедура – и мы вновь заснули.

Проснулись мы, как всегда, легко и в хорошем настроении. Осознание того, что мы уже не в СССР, побудило меня смотреть из окна нашего поезда и выискивать взглядом первые отличия. Мы ехали по Венгрии; мелькали домики с терракотового цвета черепичными крышами, которые мне казались более аккуратными, чем наши. Мама говорила, что в Будапеште – столице Венгрии – будет семичасовая остановка, потому что наши вагоны отцепляли от одного

состава и прицепляли к другому. Поэтому мы решили воспользоваться возможностью и походить по городу. До остановки поезда у нас оставалась пара часов, мы позавтракали, и я вспомнил о своих солдатиках.

– Хочешь поиграть со мной в солдатиков? – предложил я Веронике.

– А как в них играть? – поинтересовалась она.

Я был обескуражен этим вопросом, потому что, играя в солдатиков с трёх лет (а мне тогда было уже девять), совершенно не понимал, как можно было этого не знать. Однако, принимая во внимание то, что Вероника все же была девочкой, я ей ответил: «Это очень просто, я тебя научу». Я принес на верхнюю полку солдатиков и стал ее учить играть. Вероника слушала меня, но, как мне показалось, осталась при том мнении, что для девочек подходят другие игры. Поэтому мы достаточно быстро прекратили играть, к тому же, поезд уже прибывал в Будапешт, и нам нужно было готовиться к выходу в город.

Когда мы вышли втроем из вагона, я увидел множество надписей на венгерском. Латинские буквы я тогда не знал, а если бы и знал – ничего бы не понял. Я почти никогда не слышал, живя в Москве, иностранную речь. Вокруг было очень много людей, все что-то говорили и куда-то бежали. Нам нужно было поменять деньги на венгерские форинты. Мы пошли к «обменнику», возле которого бродили спекулянты, предлагавшие поменять валюту по более выгодному курсу. Проходя по вокзалу, я заметил группу наших советских солдат, идущих один за другим.

– Вот это да, смотри, Вероника, наши солдаты! Мам, что они тут делают? – выпалил я от удивления.

– Венгрия социалистическая страна и наш друг, у нас здесь находятся военные, которые смогут помочь Венгрии, если на них кто-нибудь нападет, – объяснила мама.

Чувство гордости за нашу страну и ощущение этой силы охватило меня.

Я заметил, что все люди были странно одеты – в более яркие цвета, что ли. Пока мы с Вероникой главели по сторонам, мама поменяла рубли на форинты, и мы двинулись по центральной улице от вокзала по направлению к мосту. Когда мы отошли на порядочное расстояние от вокзала, мама сказала нам, что хотела бы зайти в магазин, где продавались книги на русском языке. Это был очень известный книжный магазин в Будапеште, в нём можно было приобрести такие книги, которые сложно было купить в СССР. В то время многие взрослые были увлечены новым романом Рыбакова «Дети Арбата». Именно его и ещё несколько книг мама и купила. Затем мы зашли в продуктовый магазин: нужно было пополнить наши продовольственные запасы на оставшуюся часть поездки. Мы с Вероникой увидели круглые жвачки в виде разноцветных шариков, а жвачки, тем более иностранные, мы очень любили. Мама нам их купила. Шагая с Вероникой за руку по Будапешту, мы были очень счастливы – шли и над чем-то от души смеялись. Жвачка была очень вкусной, хотя вкус её слишком быстро заканчивался.

Одежда, в которую я был одет, сильно отличалась от местной, у Вероники же из иностранной одежды что-то уже было. Мама решила купить мне одежду и обувь на лето в Венгрии, потому что в Италии детская одежда была очень дорогой, а из общей массы все же не стоило выделяться. Мы зашли еще в один магазин, где мама присмотрела мне пару синих футболок с наклейками, шорты, джинсы и серые кожаные сандалии. Собственно, всё это и составило мой гардероб на летние каникулы.

Время перевалило за обед, и мы решили возвращаться на вокзал, тем более, что на улице стало жарко и мы сильно устали. Войдя в здание вокзала, мы встали в теньке, а мама пошла узнавать, на какой платформе находятся наши вагоны. Когда мама пришла, я попросил купить пластиковую бутылку сока, на которой был нарисован апельсин. Мне очень понравился желто-оранжевый оттенок напитка. Купив его, мы пошли к нашему вагону, доступ в который был уже открыт. Помню, что было нестерпимо жарко, поскольку на улице парило, а в неподвижном

вагоне не было никакой вентиляции. Мы с Вероникой просто изнывали от жары. Через пару часов наши мучения закончились: поезд тронулся, и через форточки подул прохладный ветерок. Уставшие, но довольные мы открыли бутылку с соком и жадно, в один присест выпили его. Не знаю, сколько там было настоящего сока – вкусным он казался только за счет незнакомого вкуса. Через некоторое время мы с Вероникой побежали по туалетам – так мы навсегда запомнили этот венгерский «сок»!

После ужина, разбавленного новыми продуктами, я пошел к Веронике в купе играть в игру с рулеткой. Стало темнеть, и, пожелав доброй ночи, я отправился спать к себе в купе. Впечатлений было хоть отбавляй, а следующий день должен был принести встречу с моим папой, потому что завтра наш поезд должен был прибыть в Италию. Однако перед этим мы ещё пересекли границу с Югославией. Когда в купе вошли югославские пограничники, я не мог не заметить, что они были очень похожи внешне на русских, да и говорили они на языке, который я, по непонятным мне причинам, понимал. Так завершился второй день нашего путешествия.

Проснувшись рано утром, мы все вместе позавтракали, и через полчаса наш поезд пересек границу с Италией. Приехать в Болонью мы должны были к обеду. Времени было еще предостаточно. Вероника отправилась к себе в купе. Через несколько минут я пошел к ней, но там её не застал. Я предположил, что она в туалете и, так как мне тоже нужно было туда, также проследовал в его направлении. Приблизившись, я увидел, что дверь еле-еле приоткрыта, и сообразил, памятуя о Вероникином рассказе (как она там однажды закрылась), что в туалете находится именно она. Мне было неудобно спросить ее вслух, там ли она, поскольку я не хотел ее смущать. Я просто стал ждать, пока она выйдет. За мной начала образовываться очередь, и люди, стоявшие в ней, начали меня спрашивать, почему я не иду в приоткрытую дверь. Я отвечал, что там занято и нужно немного подождать. Время шло, и я все же решился окликнуть Веронику. Каково же было мое удивление, когда мне никто не ответил. Я подошел к туалету и медленно приоткрыл дверь – туалет был пуст.

– Там никого нет, – прошептал я в полном изумлении женщине, стоявшей после меня.

Она посмотрела на меня непонимающими глазами. Развернувшись, я пошел к нашему купе, забыв, что, собственно, мне тоже нужно в туалет. Обернувшись, наткнулся на недоуменные взгляды небольшой очереди, брошенные в мою сторону.

– Там никого нет, – повторил я громче во второй раз, – можете проходить.

Возвращаться назад мне было как-то неудобно, и я решил пройти через тамбур в туалет соседнего вагона. Подойдя к этому тамбуру, я опять увидел приоткрытую дверь.

– Опять не закрыли дверь до конца, – возмутился я и смело дернул со всей силы за ручку. К моему полному изумлению там была Вероника. Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Она пропищала: «Занято!» и резко дернула ручку двери на себя. Я мгновенно отпустил её, как ошпаренный. Подождав еще некоторое время, пока Вероника выйдет, я наконец-то попал в туалет. Через пару минут мы встретились в коридоре.

– Только подумай кому-нибудь рассказать, – сказала Вероника, хохоча.

Я стал оправдываться и уверил её, что никому и никогда не расскажу. Срок исковой давности – двадцать пять лет – прошел, и вот, я пишу об этом забавном недоразумении, о котором так долго молчал. Так что, надеюсь, Вероника меня простит!

За время нашего путешествия мы хорошо сдружились, нам было весело вдвоем.

До приезда в Болонью оставалось меньше часа, наши вещи были собраны, а мы сидели на откидных стульчиках в коридоре и обсуждали программу увеселения.

Вот показалась платформа, на которой уже стояли мой папа и Вероникины дедушка с бабушкой.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ИТАЛИЕЙ.

Буквально соскочив с подножки поезда, обрадовавшись встрече с папой – ведь мы не виделись со дня их отъезда с мамой в Италию – я бросился к нему на руки. Мужчины вытаскивали вещи из поезда, я старался тоже поднести что-нибудь, показывая тем самым, что за год я вырос и стал сильным. Погрузив вещи на тележку, мы все вместе весело зашагали по перрону. Вероника радостно подпрыгивала, идя рядом со своей бабушкой и дедушкой, весело рассказывая им о чем-то интересном. На выходе с вокзала к нам подошёл высокий худощавый симпатичный мужчина в легкой, коричневой в клетку, рубашке с короткими рукавами. Это был Володя Чернов, водитель в консульстве, ответственный, добрый и симпатичный парень, который мне сразу же очень понравился. Он отрывисто объяснял Валентину Петровичу, что здесь сложно где-либо припарковать машину. Папа с Валентином Петровичем что-то сказали по-итальянски подошедшему к нам человеку, и тот немедленно удалился. Так я в первый раз услышал, как мой папа говорит на итальянском языке. От неожиданности я открыл рот, мне было очень приятно – я так гордился тогда моим отцом.

Подъехал микроавтобус, который с первого взгляда показался чем-то вроде космического корабля. Конечно же, я видел маршрутки в Москве, курсировавшие тогда от метро Таганская до Птичьего рынка, но микроавтобусов с задвигающимися дверьми – ни разу. Да и внутри все было очень интересным. До сих пор помню этот светло-серый салон, сиденья в несколько рядов, приборную доску.

На улице было очень солнечно и гораздо жарче, чем в Венгрии. Мы уселись в микроавтобус, и он тронулся. Вероника предложила мне жвачку, которую ее бабушка Надежда Васильевна предусмотрительно захватила с собой. Как сейчас помню, это была моя первая и, как потом окажется, самая любимая жвачка Биг Бабол (Big Babol). Удивило то, что из темносиней упаковки с розовыми надписями, Вероника достала не пластинки, к которым я привык, а кубики. Но то, что произошло далее, я никогда не забуду. Буквально через минуту после того, как Вероника положила жвачку к себе в рот, она надула из нее огромный пузырь, который затем смачно лопнул, издав при этом звук, похожий на выстрел из пистолета с глушителем.

– Как ты это сделала? Научи, пожалуйста, – попросил я.

– Это жвачки здесь такие специальные, – ответила Вероника и принялась учить меня надувать пузыри.

В автобусе стояло радостное настроение. Все были счастливы. Суматоха встречи немного улеглась, и я познакомился с Валентином Петровичем и Надеждой Васильевной. Вероникин дедушка показался мне очень приятным и добрым человеком. Тем не менее, его серьезная должность и, как мне казалось, его возраст – а он был значительно старше моих родителей – естественным образом вызвали у меня уважение и некую настороженность. Позднее, общаясь с ним, я понял, что у него отличное образование, что он очень много знает и по складу своего характера – настоящий гуманитарий. Бабушка Вероники была очень интересной и доброй женщиной, при всем при этом она показалась мне немного строгой! К тому же, она была красивой женщиной, коренной москвичкой с прекрасно поставленной речью. Нужно отдать должное Надежде Васильевне: хоть она и не работала в консульстве, но вместе с Валентином Петровичем создавала в нем атмосферу дома для всех советских граждан. Следует заметить, что в консульство приходили не только «консульские», но и советские специалисты, работавшие в разных совместных итало-советских обществах. Для Валентина Петровича и Надежды Васильевны эта командировка в Италию была далеко не первой, поэтому, с учётом жизненного опыта, приобретенного за границей, Надежда Васильевна, безусловно, помогала советами и даже, наверное, по-доброму брала шефство над недавно приехавшими на работу в Геную женами консульских работников. Моя мама до сих пор благодарна ей за помощь в адаптации в Италии. Конечно же, все это было очень полезным и способствовало установлению нормальных отношений, а также косвенным образом влияло на работу мужей, у которых, как принято было говорить в те годы, должен был быть «крепкий тыл».

Только сейчас, оценивая прошлое с позиций взрослого человека, я осознаю, что Вероникины дедушка с бабушкой на самом деле были сравнительно молодыми людьми и очень хорошо выглядели в то время.

Надежда Васильевна поинтересовалась, умею ли я плавать. На что я ответил, что плаваю с трех с половиной лет, потому что часто ездил с родителями на море в Феодосию, и что море я очень люблю.

За окном мелькали незнакомые пейзажи, проносились машины, которые, благодаря их обтекаемым формам, казались мне гораздо более современными, чем машины в Москве. Мы ехали по автостраде – дороге с очень ровным, чуть ли не отполированным покрытием. К сожалению, я не мог уловить в полной мере отличий этой дороги от наших, поскольку в Москве у нас машины не было, а на такси я ездил крайне редко. И все же я заметил, что наш микроавтобус скользил словно по маслу. Всматриваясь в даль, я увидел, что на дороге разлита вода. Папа объяснил мне, что это эффект от нагретого асфальта.

Через некоторое время мы остановились у одной из стоявших в ряд перпендикулярно автостраде кабинок. Мне объяснили, что здесь мы должны заплатить за проезд по дороге, чтобы поехать дальше. Я не понимал этого, мне казалось естественным, что за дороги платило государство. Более того, я даже никогда не думал, что за них кто-то вообще платит. Папа объяснил, что для того, чтобы дороги ремонтировались, люди и платят деньги.

Через час езды мы остановились на станции обслуживания «Ареа Сервицио» компании Ажип (Agip). Папа сказал, что вдоль автострад располагаются центры обслуживания, которые состоят из заправок, магазинчиков, кафе. Дядя Володя вышел, чтобы заправить машину, мы тоже решили воспользоваться ситуацией и размять ноги. На этой заправочной станции был игрушечный магазин. Зайдя в него, я приоткрыл рот от удивления: там было такое количество игрушек, которое я видел разве что в центральном магазине «Детский мир» в Москве. Особенно меня поразило множество разнообразных пластиковых автоматов черного цвета. Конечно же, мне сразу захотелось, чтобы мне что-нибудь купили. Папа подошел ко мне и сказал, что в Генуе есть множество различных магазинов с игрушками, и если я сейчас что-нибудь попрошу, то больше мне уже ничего не купят. Немного взгрустнув, я посмотрел на игрушки и вышел из магазина.

– А где здесь туалет? – спросил я. И, услышав от мамы, где он находится, сразу устремился к нему.

– Подожди! – окликнул меня папа, протягивая мне пару монет.

– А деньги для чего? – спросил я.

– За туалет нужно заплатить, – ответил папа.

– Я должен заплатить за то, чтобы пописать? – голосом, полным сарказма, переспросил я. Меня охватил сильнейший безудержный хохот, и от смеха я чуть не попал в щекотливую ситуацию. Возвращаясь из туалета к автобусу, я шел и думал о том, как, должно быть, несчастны эти итальянцы, что должны платить за такое.

Забравшись в автобус, я обнаружил, что дядя Володя еще не вернулся.

– Он сейчас придёт. Каждый раз, когда Володя едет в поездку, он покупает своему сыну Сергею какую-нибудь игрушку, – сказала Надежда Васильевна. И действительно, через пару минут Володя появился, держа в руках маленькую машинку. Какой хороший человек, – подумал я, – так любит своего сына.

Мы вновь тронулись, впереди было еще два часа, отделявших нас от Генуи. При въезде в полосу гор я странно себя почувствовал. Наш микроавтобус ехал через множество длинных туннелей, круто изгибающихся внутри гор. Я посмотрел на Веронику и увидел, что на ней лица нет. Так я узнал, что значит «укачало» в дороге. Взрослые сразу поняли, что с нами происходит, и сказали, что ехать осталось недолго. Позже Вероника рассказала мне, что ее часто тошнило в машине прошлым летом, когда она ездила со своим дедушкой в дальние поездки.

И вот наконец-то мы въехали в Геную. Показался знаменитый маяк и, конечно же, неповторимого цвета море, к которому я всегда относился с подлинным восхищением. Мы ехали по улицам с красивыми домами, которые очень сильно отличались от того, что я видел до сих пор. На всех окнах были ставни от солнца зеленого и коричневого цвета. Плохое самочувствие, вызванное укачиванием, мешало мне как следует рассмотреть город. Через пару минут мы подъехали к консульству, находившемуся на крутой горке, на которую наш микроавтобус и въехал. Мы быстро вышли из него, и глоток свежего воздуха облегчил наше состояние. Было очень жарко. Здание консульства, выкрашенное белой краской, с зелеными жалюзи на окнах, показалось мне большим и очень интересным.

Папа перенес наши вещи в свою служебную машину, о которой я знал из маминых писем. Это была Альфа Ромео 33 белого цвета. Я влюбился в неё с первого взгляда: обтекаемые формы, светлый салон, спинки заднего сидения, откидывающиеся для того, чтобы попасть в багажник – внешне она очень здорово смотрелась.

Быстро и немного скомканно простившись с Вероникой, её дедушкой и бабушкой и дядей Володей, мы сели в нашу машину и поехали к дому, в котором жили мои родители. Оказалось, что он находился не так далеко от консульства, всего в двадцати минутах ходьбы, а на машине и того ближе. Первый раз в моей жизни мы ехали на машине, за рулем которой был мой отец. Я был очень доволен и горд, только вот подташнивало все больше и больше. Когда мы зашли в квартиру, меня все же вырвало, и, почувствовав облегчение, я устремился осматривать квартиру, где мне предстояло прожить первое лето в Италии.

Квартира, которую консульство снимало для нашей семьи, находилась на четвертом этаже дома по улице Зара. Дом располагался в двух минутах ходьбы от прогулочной набережной Генуи – Проспекта (Корсо) Италия. Лифта в доме не было, потолки были очень высокими, и преодолевать межэтажные пространства по лестнице было тяжеловато. Несмотря на то, что стены были достаточно толстыми, слышимость была очень хорошая. Полы в квартире были мраморными и очень красивыми, мебель – деревянная, довольно старая. Мама предупредила меня, что в квартире я должен вести себя очень тихо, иначе обязательно придут ругаться соседи. Один раз мама прошла из комнаты в комнату на каблуках, и через пару минут на пороге появилась синьора с нижнего этажа. Она ругалась на то, что ей причиняют неудобства. Так как квартира была трехкомнатной, родители выделили мне отдельную комнату, в которую я сразу же занес свой багаж.

Перетащив все вещи из машины, папа распаковал купленный в «Березке» телевизор и стал настраивать каналы в гостиной, в то время как мама принялась готовить праздничный ужин. Папа запасся к нашему приезду конфетами Ферреро Роше в сундучке. Еще никогда я не ел таких вкусных конфет – люблю их и до сих пор. Тут я увидел такую же бутылку, какую подарила мне Вероника, только темно-оранжевого цвета: это была Аранчата – итальянский аналог Фанты, но, как мне показалось, гораздо вкуснее.

Я переоделся в новую одежду, купленную в Венгрии, и прошел в гостиную. Папа включил настроенный телевизор. Каково же было мое удивление, что в Генуе было более двадцати каналов, в то время, как в Москве – только четыре. Мы уселись за большим столом и приступили к трапезе – все было очень вкусным.

Переключая каналы при помощи пульта, я случайно остановился на одном, по которому шел мультфильм. Кто же из детей их не любит? Но я никак не ожидал увидеть мультфильмы, где шагают роботы размером с огромный дом и сражаются друг с другом. Дело в том, что в СССР мультфильмы делали для самых маленьких, либо детей до 7 лет, в Италии же, в основном, показывали японские мультфильмы, «аниме», которые были предназначены для ребят-подростков. Так вот – мультфильм, который я начал смотреть, мне настолько понравился, что я попросил папу перевести мне его с итальянского. Папа перевел пару первых фраз, после чего остановился и сказал: «Я не могу переводить тебе постоянно, так что учись понимать сам».

Делать ничего не оставалось: я сел и продолжил просмотр. Через пару минут мультфильм прервался, картинка сменилась, и пошла какая-то передача о зубной пасте. Я переключил на другой канал, а потом стал смотреть, что идет по остальным каналам. Помню, что почти ничего не понимал из того, что происходило на экране, чужой язык резал мне слух. Щелкая кнопкой, я вернулся на канал, где шел понравившийся мне мультфильм – к моему удивлению он все еще продолжался. Я подбежал к маме со словами: «Мам, ты представляешь, они обманывают. Сначала делают вид, что мультфильм закончился, и начинают показывать что-то другое, а потом продолжают показ мультфильма». Мама улыбнулась и сказала, что, скорее всего, мультфильм прервался на рекламу.

– Что такое реклама? – спросил я.

– Это когда что-то рекламируют, чтобы люди это покупали, например, какие-нибудь новые вещи, – стала объяснять мама.

– А что, итальянцы в магазины не ходят, не видят, что покупать? – продолжил я.

– Видят, конечно, но у них так принято, скоро сам все поймешь, – закрыла тему мама.

Досмотрев мультфильм до конца, я стал готовиться ко сну. Мне постелили чистое белье в моей новой комнате. Честно признаться, мне было страшно засыпать одному в комнате, причем в другой стране. Я очень боялся. Мама вошла ко мне пожелать спокойной ночи, сказав, что завтра мы пойдем в консульство.

– Бона notte, – сказала она, что означает «спокойной ночи» по-итальянски. Каждую ночь впоследствии мама говорила мне эту фразу. Не знаю, почему, но она меня немного успокаивала. Я лег в кровать, укрывшись одеялом. Никогда в жизни у меня не было столько впечатлений и открытий, сколько произошло со мной в последние три дня. Я понял, что мое путешествие до Италии подошло к концу, и с завтрашнего дня должна была начаться новая глава моей жизни. Жизни, которой было суждено раз и навсегда изменить и мое мировоззрение, и меня самого.

ГЛАВА 4. КОНСУЛЬСТВО СССР В ГЕНУЕ.

Открыв глаза и почувствовав, что выспался, я быстро соскочил с кровати. Подошел к окну и раздвинул плотные коричневые шторы, открыл зелёные деревянные жалюзи, пустив в комнату много яркого теплого света. Все стены в квартире были выкрашены в молочный цвет, что делало квартиру очень светлой. Несмотря на это, квартира не показалась мне похожей на больницу, так как на стенах висело множество картин в коричневых деревянных рамах, да и мебель была также темного цвета. Папа уже ушел на работу, не став меня будить. Мама тоже уже встала и начала приводить квартиру в порядок, раскладывая привезенные нами вещи по своим местам. Мы сели завтракать. Мама приготовила яичницу и сказала, что мы поедем в магазин, и она купит мне йогурт – смесь молока с фруктами, очень вкусная. Я не понимал, о чем идет речь – ведь йогуртов у нас в Москве не было (по крайней мере, я их раньше не ел).

– Артем, мне нужен еще час, чтобы закончить с делами, после этого мы пойдем в консульство, – сказала мама.

Услышав это, я обрадовался, что увижу Веронику и познакомлюсь с ребятами. У меня был час, поэтому я сразу же включил телевизор и стал смотреть, что идет по итальянским каналам. Быстро остановившись на каком-то мультике, я начал его смотреть. Казалось, что прошло несколько минут, и вот уже мама попросила меня переодеться в новую одежду. Спустя еще какое-то время мы вышли из дома, и я сразу же почувствовал легкий ветерок с характерным морским ароматом. Настроение было прекрасным, светило солнце, становилось жарко. Идя с мамой вдвоем по городу, я с любопытством рассматривал дома с надписями на итальянском, людей, проходивших рядом с нами, говоривших на непонятном мне языке. Несмотря на то, что прошло почти тридцать лет, я очень хорошо помню этот день.

Не могу не написать еще об одной особенности, с которой я столкнулся почти сразу же после приезда в Италию. Надеюсь, что мой читатель отнесется с пониманием к тому, что мне хотелось бы наиболее полно показать отличия между нашими мирами. Дело в том, что, выйдя из дома в тот день, я сразу же вляпался в собачье сами понимаете что. Мама сказала, что здесь нужно постоянно смотреть под ноги, потому что бедным животным просто некуда ходить в туалет. Местами тротуарные дорожки, которые были втрое уже московских – что объяснялось средневековой и, вдобавок, горной планировкой города – были изрядно напичканы такими неприятными для прохожих ловушками. Эта ситуация была характерна для всех Итальянских городов. В то время, в конце 80-х, жесткие городские законы об обязанности хозяев убирать за своими питомцами еще не были приняты. Это сейчас в Италии таких проблем практически нет, так как штрафы очень велики.

Я помню забавную историю, как через несколько лет после того, как мы вернулись из Италии, Саша Тесленко, с которой я познакомился в Италии на следующий год, рассказывала о фантазере профессоре из Финансовой Академии, который, упиваясь прелестями заграничной жизни, рассказывал аудитории о том, какие в Италии чистые улицы. Саша еле сдержала смех, чтобы не обидеть чудака. Теперь же вернемся к тому знаменательному дню

Мама попросила меня запоминать дорогу, чтобы в том случае, если потеряюсь, я смог бы найти наш дом или консульство. Также мама обратила мое внимание на то, что я самый старший из консульских детей, и мне нужно было вести себя соответственно. Консульство – это место работы папы, где все со всеми здороваются, там следовало быть вежливым и ни в коем случае не мешать людям работать, стараясь не попадаться на глаза взрослым во время рабочего дня. Особенно мама выделила «приёмные дни», когда в консульство приходили итальянцы. Мне не нужно было объяснять, что такое дисциплина, ведь в нашей советской школе воспитанию школьника уделялось огромное значение. Такие качества как сдержанность, скромность, ответственность и патриотизм советского ребенка поощрялись и пропагандировались в любой советской школе. Да и мое звание пионера ко многому меня обязывало. Я многое узнал за последние несколько дней об Италии, многое меня приятно удивило и понравилось, но о том, что я приехал из самой прекрасной страны в мире, я не забывал никогда.

Мы продолжали идти по направлению к консульству, когда неожиданно поравнялись с витриной игрушечного магазина. Я остановился, чтобы посмотреть на игрушки. То, что я увидел за стеклом, показалось мне сказкой, настолько все было красивым и разноцветным. Мама подошла и сказала, чтобы я не останавливался: игрушки она мне купит позже, так как в таких магазинах они стоят дороже. А если я буду продолжать стоять, то через мгновение может выйти продавец и предложить войти в магазин, что будет неудобным для нас, так как мы покупать ничего не собираемся. Мы пошли дальше, мама продолжила объяснять, что на одни и те же товары в различных магазинах цены здесь разные.

Через несколько минут мы дошли до металлической калитки зеленого цвета, рядом с дверью был домофон с кнопками. Мама нажала кнопку, и из прибора раздался голос, чему я тоже удивился. Мама сказала, что это она, после чего раздался короткий металлический звук, замок открылся – и мы вошли на территорию консульства.

Перед нами была каменная лестница, по сторонам которой был оформлен скат, устланный газоном. На скате располагались светильники-фонари, а ближе к концу лестницы находились две сидячие фигурки обезьянок, выполненных из дерева. Помимо этого вокруг росло множество роз. Мы поднялись по лестнице выше и оказались на площадке перед входом в консульство, где только вчера простились с Вероникой. Напротив входа в здание, на противоположной стороне площадки был гараж, а сбоку от лестницы, по которой мы поднялись, был очень крутой заезд для машин с нижнего уровня, где проходила дорога. Следует отметить, что консульство располагалось на нескольких уровнях; мне казалось, что оно было как бы встроено в гору. Над гаражом была площадка, на которой стоял теннисный стол. Чтобы добраться

до него, нужно было подняться еще по одной каменной лестнице наверх. На этом лестница не заканчивалась, а шла еще выше, на третий уровень, где располагался небольшой участок земли, на котором росли деревья. На этом участке через некоторое время мы посадили огурцы с подачи добрейшего человека, коменданта консульства Григория Баска, которого все дети любили и звали просто дядей Гришей.

От площадки на втором уровне за угол консульства поворачивала дорожка, которая шла к своего рода загону, в котором жили сторожевые собаки, овчарки Рокки и Палкан, о которых мне в поезде рассказывала Вероника. Загон был большим, так что они могли там даже немного пробежаться. Вечером их выпускали из загона, и они с радостным лаем бегали и охраняли всю территорию консульства. Конечно же, этот лай нравился далеко не всем, особенно негодовали соседи. Но уважение к Советскому Союзу и приветливые вечерние беседы с Валентином Петровичем разряжали ситуацию. От вольера с собаками шла дорожка, также со светильниками–фонарями, освещавшими ее. Дорожка огибала здание консульства и, минуя небольшие апельсиновые деревья, растущие рядом со старым каменным неработающим фонтаном, соединялась по кругу с каменной лестницей, ведущей от входа в консульство на его территорию.

Из дверей консульства вышел дядя Володя – улыбнулся, поздоровался и направился по своим делам в гараж. Мама увидела Надежду Васильеву и подошла к ней.

Я поздоровался и спросил, где Вероника. Не успел я закончить фразу, как из дверей выбежала Вероника в своем любимом розовом платье с двумя хвостиками на голове. Она походила на настоящую маленькую принцессу. Надежда Васильевна попросила ее, чтобы она показала мне территорию консульства. Я заметил, что по какой-то причине Вероника находится не в настроении. Она нехотя, с ученым видом знатока стала показывать и рассказывать мне о том, что нас окружало. Меня немного задело её высокомерие, я никак не ожидал увидеть такой разительной перемены в её поведении. Она вела себя как самая главная и важная персона – как же могло быть иначе, ведь ее дедушка был консулом! По правде говоря, поведение Вероники было всегда связано с ее настроением, она могла быть невыносимой и капризной, а через мгновение – той самой прелестной девочкой, с которой я познакомился в поезде.

Из консульства вышел рыжий упитанный мальчик с большими карими глазами. Это был сын дяди Володи – Сергей. Несмотря на то, что он был практически одного со мной роста, ему было всего лишь пять лет. Он не помнил своего дома в Москве, поскольку его родители, которых направили на три года в командировку, ни разу не ездили в отпуск домой и взяли Сергея с собой, когда он был еще очень маленьким. Сергей был добрым ребенком и уже тогда практически все понимал по-итальянски, поскольку был фанатом мультфильмов и смотрел их постоянно.

Вероника подвела меня к вольеру с собаками, открыла калитку и вошла к ним. Собаки сразу ее узнали и подошли к ней. Она их погладила. Я тоже подошел к вольеру, и собаки не стали на меня лаять, видя, что я с Вероникой, а через пару минут я их тоже гладил.

Вероника предложила мне и Сергею Чернову пройти непосредственно в само здание консульства и показать, что где находится. Вернувшись на площадку перед входом, я увидел, как из него вышел человек со слегка прищуренным добрым взглядом, с вьющимися черными волосами, в светлой рубашке с короткими рукавами. Он посмотрел на меня и поздоровался. Это был дядя Гриша, комендант консульства – очень добрый, спокойный человек, размеренно и по-хозяйски, со свойственным ему оригинальным, я бы сказал, мудрым жизненным взглядом решавший все хозяйственные вопросы в консульстве. Мне стало немного неловко, потому что первым должен был поздороваться я, так как он был взрослым. Дядя Гриша был родом из Белоруссии, из Минска. Он приехал на работу в Геную со своей женой – тетей Зоей, дома в СССР у него осталось два сына: старший Андрей и младший Коля. Никогда не интересовался вопросом, почему они не приехали в то лето, но с его ребятами мне довелось познакомиться только через год.

Войдя в консульство и повернув направо, мы попали в коридор, из которого был виден кабинет, где работал мой папа вместе с Борисом Зубковым, секретарем консульства. Напротив кабинета была кухня-столовая, в которой часто собирался народ. В жилых квартирах в консульстве кухонь не было, поэтому пользовались одной на всех. Рядом была узкая лестница с белыми мраморными ступеньками, которая вела в подвал и на верхние этажи.

– Пойдем, покажу тебе приемную, – сказала Вероника и, увлекая меня налево от входа, провела по коридору вдоль главной широкой лестнице с красной дорожкой, которая начиналась от главного входа в консульство. Повернув в конце коридора направо, мы попали в очень просторную приемную залу, где стоял огромный телевизор – таких больших телевизоров я еще не видел. На полу лежал ковер, на окнах висели красивые шторы молочного цвета, а на обклеенных светло-бежевыми узорчатыми обоями стенах висели разные картины. Рядом с телевизором стоял потрясающий мягкий кожаный диван коричневого цвета, напротив дивана – маленький деревянный журнальный столик.

– Когда нет приемных дней, здесь телевизор можно смотреть, – сказала Вероника, – только не очень громко. Здесь есть даже один наш канал, – добавила она.

Впоследствии мы очень часто смотрели по этому телевизору итальянские программы, а вечером – так было заведено – около телевизора собирались смотреть программу «Время» взрослые. В то время параболическая спутниковая антенна была большой редкостью, и ни у кого из живущих в Генуе русских в доме её не было – поэтому все ходили смотреть последние новости в консульство.

Пройдя через всю приемную, мы попали в консульскую столовую – меньшее по размерам помещение, в котором стоял еще один мягкий кожаный диван и длинный овальный деревянный стол со стульями. Иногда приезжающим дипломатам из других городов, которым было необходимо переночевать в Генуе, чтобы не снимать гостиничный номер, стелили постель именно в столовой, на том самом кожаном диване. В обычные дни столовая была, по сути, проходной. Только по праздникам сотрудники консульства использовали ее по назначению и проводили там праздничные ужины и отмечали Рождество.

– А что на других этажах? – поинтересовался я у Вероники.

– На втором этаже – работают, там есть кабинеты, на третьем живем мы с бабушкой и дедушкой и Баски.

– А я живу на самом верхнем этаже, – добавил Сергей.

– О, пойдем, я покажу тебе наш клуб, – выпалила Вероника, – тебе там понравится.

Пройдя столовую, мы замкнули круг и вышли опять к кухне, к маленькой лестнице. Спустившись по ней вниз, мы попали в узкий светлый коридор, по стенам которого были вывешены фотографии в рамках из газет разных годов. На одних были корабли, на других незнакомые люди. Вероника остановила меня напротив одной фотографии.

– Это партизаны, а это – Фёдор Полетаев, герой и легенда партизанского отряда, он погиб, – сказала Вероника.

– Мы к партизанам с дедушкой в прошлом году в горы ездили, они меня мороженым угощали, – продолжала она.

– Какие партизаны в Италии, – сказал я, – они же все в лесах жили?

– А здесь итальянцы, что против фашистов сражались, в горах прятались от них. А Федор Полетаев был солдатом красной армии, его в плен взяли, а он из плена убежал и стал воевать вместе с партизанским отрядом. Его итальянцы очень уважали.

Мне стало безумно интересно: каждый день приносил мне новое, то, о чем я даже не догадывался раньше.

– Да, это итальянцы молодцы, что против фашистов сражались, – сказал я.

– Ну, пойдем дальше, – позвала меня в глубь коридора Вероника

Коридор вывел нас в комнату еще большую, чем была приемная. Эта комната, окна которой почти всегда были наглухо закрыты жалюзи, освещалась электрическими лампами светлого желтого света. Практически вся она была заставлена стульями и мягкой мебелью, в конце комнаты стоял экран для просмотра фильмов, а перед экраном стоял длинный стол. В этой комнате раз в неделю проводилась политинформация для сотрудников консульства, а также наших граждан, работающих на совместных итало-советских предприятиях.

Многие с удовольствием приходили, так как это был всегда хороший повод пообщаться между собой. Все жили в разных частях Генуи, и жёнам, у которых мужья целыми днями работали, не хватало элементарного общения.

Генуя была крупным портом, и наши корабли постоянно туда заходили. Иногда шофер консульства Володя или другие сотрудники брали с корабля плёнки с фильмами на русском языке, чтобы показывать их в подвале по пятницам для всех желающих. В остальное же время комната пустовала, чем мы, детвора, с негласного разрешения Валентина Петровича, и пользовались, называя это место «Клубом». В какие только игры мы не играли там, спасаясь от дневной жары: и в карты, и в шахматы, и в домино – но больше всего нам нравилось строить дом из кресельных подушек. Именно в Клуб мы уходили, когда в консульстве шел приём – чтобы никому не попадаться на глаза. Однажды мы с Вероникой придумали игру: на диван ложился человек, его закладывали подушками, на эти подушки ложился еще один человек, которого в свою очередь так же закладывали подушками, а тот, кто оставался последним, должен был пробежать по длинному столу и с разбега прыгнуть на этот «пирог». Конечно, сейчас это может показаться глупым, но тогда было очень весело, особенно тому, кто лежал в самом низу.

Проведя какое-то время в Клубе, мы поднялись наверх и вышли из консульства на улицу, где я познакомился еще с одним мальчиком – Сашей Зубковым, сыном дяди Бори. Саша был очень худеньким, утончённым, скромным мальчиком с прямыми темными волосами, и он был очень похож на свою маму – тетю Олю. Время шло быстро, и нам нужно было уходить домой. Мы подождали папу, пока он закончит работу, сели в машину и, попрощавшись со всеми, поехали домой. Я был рад знакомству с новыми друзьями и подумал, что в консульстве мне будет очень весело.

– Мама, а мы часто будем сюда приходить? – спросил я.

– Да, сынок, конечно, – ответила мама.

– А на море мы когда пойдем?

– Не знаю, можем договориться и пойти с Надеждой Васильевной и Вероникой, – предложила мама.

– Здорово, – обрадовался я, – наконец-то я покажу Веронике, как я плаваю.

Мы подъехали к нашему дому, и я бегом взбежал на 4 этаж, чтобы как можно быстрее включить телевизор и посмотреть мультики. За ужином папа сказал, что завтра мы поедем в порт – ему нужно туда по работе – а заодно заедем в «Кооп Негри», большой магазин, находящийся поблизости.

За столом мы смотрели какой-то интересный фильм; я по-прежнему ничего не понимал, но просить папу перевести не стал.

Должен сказать, что за первое лето моего пребывания в Италии я очень часто смотрел телевизор: с утра, когда вставал, когда приходил в консульство вместе с ребятами, когда возвращался домой вечером или когда целый день лил дождь. По двадцати четырем каналам, которые были у нас, я открывал для себя Италию и итальянский язык – через мультики, фильмы, передачи, рекламу. На каналах было очень много рекламы для детей: рекламировали множество разнообразных игрушек, одежду, мороженое, сладости. Многие рекламы я выучивал наизусть, сам не понимая, о чем там говорят. Через некоторое время итальянский уже не так резал мне слух, и я начал узнавать в речи по телевизору те слова, которыми научила меня мама. В то время мама понимала на итальянском больше слов, чем я, поэтому учила меня тому,

что знала сама, да и папа тоже, отвечая на мои вопросы, называл мне новые слова и даже целые фразы. Среди мультфильмов особенно мы любили смотреть Дайтран 3 (Daitran 3), Человек-тигр (Uomo tigre), Старзингер (Starzinger), а ещё было множество мультфильмов о роботах; особняком выделялся мультфильм про Имена (NEMAN). По выходным показывали диснеевские мультфильмы. Помню, когда увидел в первый раз «Том и Джерри» – хохотал до слез, катаясь по полу. Так же на каналах было очень много детско-юношеских и фантастических сериалов. К моему глубокому удивлению иногда я натыкался на наши советские мультики, которые показывали по итальянским каналам. Помню, подошел к папе и сказал: «Это как-то не справедливо, что здесь наши мультфильмы показывают, а итальянские мультики у нас – нет». Тогда я не думал о том, что на самом деле на итальянском телевидении показывали в огромном количестве американские фильмы и японские мультфильмы. Для меня – так как все они шли, естественно, на итальянском языке, а я находился в Италии – всё было итальянским.

ГЛАВА 5. ПОЕЗДКА В «КООП НЕГРИ»

Проснувшись рано утром, позавтракав и успев ухватить двадцать минут просмотра по телевизору очередного мультфильма, я вышел из дома со своими родителями. Мы сели в машину и выехали на проспект Италии (Корсо Италия), тянувшегося вдоль сине-бирюзового моря. Мне всегда нравился его цвет, я считал, что нет в мире ничего более прекрасного, чем эта бесконечная изумительная гладь.

– Скорей бы поплавать, – не сдержавшись, выпалил я.

– Еще успеешь, у тебя впереди много времени, – ответила мама.

– Нам нужно купить тебе маску и ласты, – добавил папа, так как знал, что в маске с ластами я очень люблю плавать.

Сначала, как и обещал папа, мы отправились в порт. Для въезда на территорию порта нужен был специальный пропуск, который у папы, как у дипломата, естественно, был. При въезде в порт нас быстро пропустили, и, когда наша машина ехала вдоль причала, я любовался огромным белоснежными лайнерами, пришвартованными к пристани: для меня они были огромными плавучими домами. Мне с детства нравилось всё, что было связано с морем, а увиденное производило сильное впечатление. Через некоторое время мы подъехали к огромному лайнеру с советским флагом, на борту лайнера было написано «Шота Руставели». Мы не стали подниматься на лайнер, а подождали папу в машине несколько минут. Вернувшись, папа сказал, что сейчас у нас мало времени и что мы непременно зайдем на один из кораблей в следующий раз.

– А что, есть и другие наши корабли? – поинтересовался я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.